

УДК 343.2/.7

***ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО И
ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА:
КРИТЕРИИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ***

Самойлова А.С.¹

студент,

Белгородский государственный университет,

Белгород, Россия

Аннотация.

Статья посвящена проблемам разграничения составов преднамеренного (ст. 196 УК РФ) и фиктивного (ст. 197 УК РФ) банкротства через объективную сторону преступлений. Анализируются доктринальные подходы к определению деяния, способов его совершения, обстановки и последствий.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, объективная сторона, разграничение составов, крупный ущерб, квалификация.

***PROBLEMS OF DISTINGUISHING BETWEEN DELIBERATE AND
FICTITIOUS BANKRUPTCY: CRITERIA OF THE OBJECTIVE SIDE***

Samoylova A.S.

student,

Belgorod State University,

Belgorod, Russia

Abstract

The article is devoted to the problems of distinguishing between the elements of intentional bankruptcy (Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation)

¹ Научный руководитель – Шумилина Оксана Сергеевна, доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент, Белгородский государственный университет, Белгород, Россия
Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

and fictitious bankruptcy (Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation) through the objective side of the crimes. Doctrinal approaches to defining the act, the methods of its commission, the circumstances, and the consequences are analysed.

Keywords: intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, objective side, distinction between elements, major damage, qualification.

Институт банкротства в современной экономике нередко используется недобросовестными участниками для уклонения от исполнения обязательств. Уголовный кодекс предусматривает ответственность за преднамеренное (ст. 196) и фиктивное (ст. 197) банкротство, однако разграничение этих составов вызывает сложности ввиду внешнего сходства деяний и общего последствия – крупного ущерба кредиторам. Ключевые дифференцирующие признаки сосредоточены в объективной стороне, что обуславливает необходимость их системного анализа.

Объективная сторона преднамеренного банкротства выражается в действиях или бездействии, заведомо влекущих неспособность должника удовлетворить требования кредиторов, если это причинило крупный ущерб. Способы совершения, как отмечает А.С. Яценко, представляют собой сделки различного характера: отчуждение имущества по заниженной цене, заключение сделок на заведомо невыгодных условиях, создание контролируемой задолженности [1]. Также подчеркивается, что любые заведомые действия, приводящие к банкротству и крупному ущербу, должны признаваться криминальными, однако лексема «заведомо» требует толкования как «сознательно», что указывает на прямой умысел [5]. Важно, что деяния совершаются до возникновения признаков несостоятельности и являются их причиной; по выражению К.В. Гурбанова, при преднамеренном банкротстве признаки банкротства отсутствуют, но намеренно создаются субъектом [3].

Объективная сторона фиктивного банкротства состоит в заведомо ложном публичном объявлении о несостоятельности, если это причинило крупный ущерб. Публичность понимается как доведение сведений до кредиторов или

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

неопределенного круга лиц через обращение в суд, СМИ или иные формы уведомления. Однако С.А. Александров справедливо замечает, что выступление на митинге с заявлением о банкротстве не имеет уголовно-правового значения [2]. В действующей редакции ст. 197 УК РФ законодатель оперирует термином «публичное объявление о несостоятельности», который был перенесён в уголовный закон из Закона о банкротстве 1992 года. Закон № 127-ФЗ не допускает самостоятельного объявления о несостоятельности – банкротство устанавливается только судом, и подача заявления сама по себе не свидетельствует о преступлении. Объективная сторона ст. 197 УК РФ охватывает лишь юридически значимые процессуальные акты, а простая подача заявления без иных противоправных действий общественной опасности не содержит [4]. Состав материалов: преступление окончено при причинении крупного ущерба, обязательна причинно-следственная связь между заявлением и потерями кредиторов.

Разграничение ст. 196 и 197 УК РФ проводится по объективной стороне. При преднамеренном банкротстве – сделки по сокращению конкурсной массы, при фиктивном – публичное объявление о несостоятельности [3, 1]. Различаются также обстановка (при преднамеренном – угроза утраты основных средств и прекращения деятельности, при фиктивном – отсутствие необходимости реализации имущества) и цели деяний [3]. В одном случае лицо стремится ликвидировать проблемную организацию, освободиться от долгов и сохранить максимально возможный объём имущества, а в другом – получить отсрочку, рассрочку либо частичное списание задолженности [4]. Наконец, различие прослеживается и в моменте возникновения признаков неплатёжеспособности: при преднамеренном банкротстве такая неплатёжеспособность искусственно создаётся виновным (признаки банкротства отсутствуют, но намеренно создаются субъектом), тогда как при фиктивном – она изначально мнима, признаки банкротства отсутствуют и не создаются, а должник остаётся фактически платёжеспособным [3].

Сложность применения названных критериев наглядно подтверждается судебной практикой. Так, приговором Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан по делу № 1-4/2016 от 8 июня 2016 года руководитель предприятия, имевшего значительную задолженность по налоговым платежам, создал новую организацию со схожим наименованием, подделал протокол общего собрания членов кооператива и незаконно передал все активы колхоза стоимостью около 90 млн рублей вновь созданной организации, оставив долги перед бюджетом в сумме 19 млн рублей непогашенными – данные действия были квалифицированы как преднамеренное банкротство [5].

В правоприменительной практике сложилась парадоксальная ситуация. Интересно отметить, что между единичными судебными решениями и фактической потребностью в применении ст. 197 УК РФ существует заметный разрыв. Да, время от времени суды квалифицируют обращение должника в суд, который сохраняет платёжеспособность, как фиктивное банкротство, рассматривая поданное заявление как публичное заявление о своей несостоятельности [3]. Однако за пять лет, с 2020 по 2025 год, таких дел насчитывается всего 13, что явно говорит о слабой эффективности этой нормы и об отсутствии какой-либо устоявшейся судебной практики [2].

К такому положению дел привели несколько причин. Прежде всего, бланкетный характер ст. 196 и 197 УК РФ серьёзно затрудняет их применение и часто ведёт к ошибкам, когда действия ошибочно подводят под другие, смежные составы преступлений [1]. Кроме того, законодатель не дал ясных критериев, позволяющих разграничить законное поведение и противоправные действия в рамках банкротства, что вносит путаницу у правоприменителей [5]. Ещё одна серьёзная проблема – устаревшая формулировка «публичное объявление о несостоятельности», которая перешла из старого закона. Сейчас банкротство признаётся только судом, а сама подача заявления не считается общественно опасной [4]. И наконец, многие специалисты обоснованно сомневаются, что

между таким объявлением и ущербом вообще есть причинно-следственная связь, ведь само по себе объявление не может ввести кредитора в заблуждение [2].

Чтобы исправить ситуацию, предлагается как можно скорее принять федеральные стандарты по проведению финансового анализа и разработать единую методику для выявления признаков криминальных банкротств [6]. Также необходимо пересмотреть ст. 197 УК РФ и прописать в ней, что объективная сторона – это подача заведомо ложного заявления о несостоятельности при сохранении платёжеспособности и причинении крупного ущерба. Кроме того, надо законодательно закрепить признаки, которые отличают это преступление от административных нарушений по ст. 195.1 КоАП РФ. Такие меры позволят привести в соответствие уголовное и банкротное законодательство и сделают борьбу со злоупотреблениями более результативной.

Таким образом, для правильного разграничения преднамеренного и фиктивного банкротства необходим комплексный анализ объективной стороны, включающий оценку характера совершённых действий, обстоятельств, преследуемых целей и момента, когда появились признаки неплатёжеспособности.

Малая востребованность ст. 197 УК РФ в судебной практике – это не следствие незначительной общественной опасности фиктивных банкротств, а результат устаревшей законодательной техники, нуждающейся в оперативном реформировании.

Библиографический список:

1. Яценко А.С. Преднамеренное банкротство: проблемы квалификации и разграничения смежных составов преступлений // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 178–182.
2. Табакова Н.А. Проблемы уголовно-правовой квалификации фиктивного банкротства физических лиц в контексте реформирования законодательства о несостоятельности // Общество и право. 2026. № 1 (95).
3. Гурбанов К.В. Разграничение составов преднамеренного и фиктивного банкротства // Теория и практика общественного развития. 2025. № 6. С. 252–256.
4. Мамедова М.К. Фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ): бакалаврская работа. Красноярск: СФУ, 2026.
5. Гааг И.А., Мовровян А.А. Преднамеренное банкротство: проблемы уголовно-правовой характеристики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 397–400.